

А. С. Быстрова

ученый секретарь Социологического института РАН (С.-Петербург)

А. В. Дука

заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН

КОРРУПЦИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Проблема коррупции занимает достаточно много места в отечественных научных и публицистических выступлениях¹. Актуальности теме добавляют и постоянно ухудшающиеся показатели России в этой области по данным международных наблюдателей и исследователей². Не менее заинтересованно обсуждается тема властных групп и элит³. В условиях кардинально трансформирующегося общества, к коим российское принадлежит последние полтора десятка лет, прихода новых групп к власти обычно распространение коррупции воспринимается достаточно естественно. В массовом сознании это находит выражение в утверждении, что «эти», дескать, еще не наворовались. В нашей стране обычно еще указывают на некую «традиционность» этого занятия для российской власти, предпринимательства и населения. Часть «серьезной» публики повторяет эти доводы, включая их в свою аргументацию. Безусловно, доля истины в такого рода суждениях есть. Однако исследователь обязан анализировать процессы, руководствуясь не столько логикой обыденного (со)знания, сколько теоретического. В данной статье мы рассматриваем проблему коррупции в связи со становлением новой российской элиты. Рассуждения наши будут строиться в рамках институционализма.

Понятие коррупции объединяет разнообразные формы человеческого поведения: подношения, взятки, блат, подкуп, кумовство и т. д. Сущность всех этих форм можно свести к следующему: они всегда связаны с властью, они всегда представляют собой злоупотребление ее представителями властными полномочиями в личных целях. Последние не могут быть сведены к получению сугубо материальных благ. Многообразие исследовательских подходов к анализу коррупции проанализировано нами в нескольких работах (Быстрова, Сильвестрос, 2000(а); Быстрова, Сильвестрос, 2000(б); Дука, Быстрова, 2004. См. также: Гевелинг, 2001; Маликов, 2005; Дегтярев, Маликов, 2005 и др.).

Факторы, порождающие коррупцию и определяющие масштабы ее распространения, коренятся в несовершенстве экономических институтов и экономи-

¹ Библиографию специальной литературы см.: (Коррупция и взяточничество, 2004).

² Места, занимаемые Россией в последнее время изменялись следующим образом: 86—87-е, 90-е, 122-е. См.: (Центр антикоррупционных исследований...). Также см.: (Сводная таблица ИВК России, 2005).

³ Библиографию см.: (Властные элиты и номенклатура, 2001).

ческой политики, организационной «слабости государства», означающей дисфункции государственной машины, в определенных культурных и исторических традициях, в частности, социальных нормах и массовых практиках, особенностях моделей взаимоотношений власти и граждан и бюрократического поведения (См.: Ведерникова, 2005; Сатаров, Левин, Цирик, 1998; Полтерович, 1998).

Современная Россия унаследовала во многом архаичную институциональную структуру, характеризовавшуюся в первую очередь зачаточной формой частной собственности, свободной цены и других экономических институтов, господством внеэкономических форм принуждения, что проявлялось в нормах законодательства¹ (формальных правилах поведения) и нередко отличных от официальных предписаний повседневных практик поведения граждан.

Институциональные изменения вследствие довольно быстрых политических и экономических реформ сопровождались «институциональными разрывами», т. е. слабой связью, несостыкованностью смежных формальных и неформальных правил, институты оказались некомплементарны, расширив таким образом поле для коррупции. «Институциональный разрыв между формальными правилами и неформальными деловыми практиками позволяет поддерживать сложившуюся структуру власти и уровень коррупции, необходимые для постоянной «подкормки» чиновников» (Кузьминов, Радаев, Яковлев, Ясин, 2005, с.12).

Российская традиция кормления, мздоимства и лихоимства, чиновного взяточничества продолжилась в практике коммерциализации исполнения должностных обязанностей. В массовом сознании чиновник по-прежнему неотделим от взятки и всевозможных поборов. Мелкая, низовая коррупция вообще воспринимается обществом как норма в некоторых сферах жизни (Кофанов, Петухов, 2005, с. 12; Меснер, 2001, с. 86). В основе такого рода представлений лежит «приватность публичного». «Служилое сословие» современной России приватизировало государственные должности и функции. В условиях слабого государства и его институций, не могущих поддерживать безусловность и конечность своих решений, на чем, собственно, и основан суверенитет (см.: Шмитт, 2000), их функции узурпируют «государственные люди», использующие авторитет и иные ресурсы государства в своих личных и групповых интересах.

Если коррупция может восприниматься как некий фон, контекст российской жизни, то быстрая смена властных групп, становление новых «властителей» — не столь частое явление. Как известно, проблема институционализации элиты возникает в период прихода новых групп во власть, что мы и наблюдаем в нашей стране (см.: Дука, 2003(а); Дука, 2003(б); Дука, 2005(а)). Иногда с этим процессом совпадают кардинальные социальные изменения. Если в первом случае вопрос может решаться достаточно просто *вхождением* тех или иных персон во властные структуры, то во втором — ситуация усложняется тем обстоятельством, что сами структуры, куда стремятся новые властители, подвергаются отрицанию, и они не могут служить основанием интеграции и легитимации новичков как властных лиц. Случай с Советами и всеми институтами и механизмами власти весьма показателен. В общем виде период быстрых структурных изменений характеризуется систематической критикой и делегитимацией старого институционального порядка, в том числе старых институтов власти и властных сообществ, появлением новых групп, рассматривающих власть как вакантную и стремящихся ею завладеть, частичной дезинтеграцией институтов и рассогласованием функционирования общественных подсистем. Один из основных интегрирующих институтов — государство — намеренно и систематически ослабляется и фрагментируется, что связано со стремлением приватизировать его новой элитой. Разрушается и другой институт интеграции — право. Данные

¹ Следует добавить еще и тьму ведомственных инструкций, нередко имевших силу законодательных норм.

процессы легитимируются (в случае России) посредством антикоммунистической и антисоветской риторики.

Даже если принять во внимание, что трансформация власти у нас в стране может быть определена как «номенклатурная революция», осуществляемая социальной группой/слоем, уже находившимся у власти (хотя и не на первых ролях), политические, социальные, идеологические, экономические и прочие основания структурирования власти становятся принципиально иными. В этом смысле и властные группы при возможном персональном совпадении по-другому включаются во власть, иным образом себя легитимируют, иначе строят свой образ жизни и на других принципах распределяют общественные ресурсы. Они превращаются из номенклатуры в элиту. Поэтому их отрицание прежней государственно-правовой системы так для них важно и необходимо.

Между тем группы, стремящиеся конституировать себя как властные элиты общества, все равно вынуждены опираться на правовые и государственные механизмы. Более того, они должны действовать как один из элементов социальной интеграции и стабилизации. В этом залог их успеха, хотя это и противоречит изначальной задаче. Если право задает рамки и модели деятельности, а государство — структуры и механизмы поддержания единства социального существования, то элиты выступают инстанцией, обеспечивающей легитимное использование общенациональных институтов в заданных легальных пределах по осуществлению интегрированной социальной деятельности, направленной на реализацию общественных интересов. Естественно, что помимо общественных интересов, реализуются также корпоративные и индивидуальные. Но это не столь легитимно¹.

Властные группы могут быть рассмотрены как минимум с двух сторон², каждая из которых есть не более чем специфическое проявление их определенности как доминирующего общественного образования. Во-первых, рассматриваемое сообщество существует и проявляется как *функциональная группа*, выполняющая общесоциальные функции управления, контроля, распределения и т. п. В этом случае ее институционализация означает обеспечение возможности ею осуществлять постоянно, рутинно, систематический контроль над ресурсами; интеграцию разнонаправленных общественных тенденций и разнородных групповых интересов; эффективно упорядочивать и структурировать экономическое, политическое, социальное, культурное и иные пространства. Внутреннее содержание деятельности властной группы можно описать через институциональное господство, при котором элиты просто выступают персонификаторами институциональных требований, обеспечивая тем самым себе определенную легитимность. Другими словами, члены элит(ы), занимая определенные статусные позиции в той или иной социальной (под)системе, выполняют роли, связанные с ее функционированием.

Во-вторых, элиты можно рассмотреть как определенный *социальный слой*. В этом аспекте их институционализация сопряжена с происходящей одновременно институционализацией образа жизни этой новой социальной группы. Данный процесс отделяет элиту от прочей публики. Здесь осуществляется социальная демаркация, основанная на дистанцировании ее в максимально возможных проявлениях: различные места проживания, стили и качество жизни и т. п. Одновременно элита (само)идентифицируется, обеспечивая социальное и культурное свое превосходство. Как справедливо было замечено Э.Юнгером: «Власть князя проявляется не столько в конкретных действиях, сколько в его облике и стиле жизни» (Юнгер, 2000, с. 92). Исследования социологов показывают, что в результате

¹ В данном случае можно отвлечься от иных общеинтегративных институтов социума. Например, рынка и т. п.

² В данном тексте не рассматривается еще один аспект функционирования властных групп как институтов. Об этом см.: (Дука, 2000; Дука, 2002; Дука, 2005(а); Дука, 2005(б)).

социальной трансформации в России «тип досуга и отношение к своему свободному времени становится неотъемлемыми чертами принадлежности к определенному социальному слою» (Россия — новая социальная реальность, 2004, с. 67). Понятно, что в основе различий лежат разные возможности включения в досуговые практики и прежде всего материальные. Однако выстраивание границ со стороны высших слоев играет также немаловажную роль.

В обоих случаях происходит становление заведенной, устоявшейся, структурированной деятельности. Для взаимодействующих индивидов и групп как внутри элиты, так и вне ее это означает прогнозируемый и стабильный характер деятельности. Без опривычивания и рутинизации¹ говорить об институционализации элит(ы) возможно лишь в смысле занятия определенными персонами властных позиций. В таком случае речь может идти об элите *ad hoc*, но не о социально воспроизводимом сообществе.

Механизм институционализации элиты достаточно сложный. Немаловажную роль здесь играет коррупция. Тем более что она в значительной степени «укоренена» и часто рассматривается многими акторами в качестве апробированного и эффективного способа решения возникающих проблем, как внутри власти, так и во взаимоотношениях с нею. Но в процессе институционализации элиты коррупция включается в новые системные отношения и начинает играть специфическую роль. Причем здесь необходимо поставить вопрос в духе Г. О’Доннелла: проблема не в отсутствии (негативное условие) формальных институтов, норм, правил, процедур, а в наличии (позитивное условие) неформальных институтов, норм, правил, процедур при функционировании систем общества (O’Donnell, 1999, p. 175—194). Коррупция как система именно неформальных правил, процедур, практик должна быть рассмотрена как функционально и системно значимый институт в становлении и функционировании новых властных групп².

Прежде всего, как говорилось выше, элита должна состояться в своих и чужих глазах. Она должна значимо отличаться от других социальных групп. Это связано с приобретением ими необходимого в этом смысле имущественного и финансового положения, что институционализирует ее как социальный слой. Об этом применительно к третьему миру писал С. Хантингтон (Huntington, 1968, p. 61). Помимо этого, осуществляется и демонстрация нового положения, что подчеркивается особым стилем жизни (подробно см.: Веблен, 1984). Реализовать эту цель легально в кратчайшие сроки невозможно. Поэтому включаются механизмы криминального обогащения, в том числе и коррупция.

Вторая задача, решаемая с помощью коррупции, заключается в поддержке внутренней дисциплины и сплочения элиты в условиях разрушения идеологии и механизмов сдерживания конкурирующих групп. Причем это важно для элиты как функциональной группы и как социального слоя. В стабильных индустриальных демократических обществах данная задача решается посредством права, но при его разрушении, коррупция восполняет этот пробел регулирования³. Информация о коррупции, являясь «общим достоянием» властной группы и, особенно, высших инстанций, осуществляет профилактику отклоняющегося поведения во властных структурах. Более примитивно этот механизм действует в форме шантажа (Дарден, 2001, с. 41).

С предыдущим связано и снижение неопределенности во внутрigrупповом и межgrупповом взаимодействии в условиях ослабления традиционных для общества нормативных регуляторов. Коррупция создает «прозрачность» взаимоотношений при ее распространенности. Как отмечал М. Вебер: «Смысловая

¹ О роли и значении этих механизмов см.: (Бергер, Лукман, 1995, с. 89—112; Минцберг, Альстрэнд, Лэмпел, 2000, с. 153).

² Здесь мы оставляем в стороне проблему индивидуального стяжательства.

³ О противоположности коррупции правовому регулированию см.: (Welzel, 2002, p. 318).

«понятность» поступка Другого есть самая основная предпосылка создания общности» (Вебер, 2004, с. 14). Данная проблема связана с необходимостью обеспечения устойчивых прогнозируемых форм социального взаимодействия, что основывается на таком фундаментальном субинституте, как *доверие*. Исследования показывают связь между межличностным доверием и субъективным допущением коррупции в обществе (Mogeno, 2002, p. 502). Существует обратная зависимость. Однако вне системы уверенности во взаимности другого, без норм доверительности, составляющих основу социального капитала внутри сообщества (Putnam, 2000, p. 19), невозможно эффективно взаимодействовать¹. Коррупция замещает доверие, создавая параллельную обычным моральным нормам систему внутреннего контроля. Одновременно устойчивость и распространенность коррупционных практик существенно снижает транзакционные издержки (см.: Полтерович, 2004, с. 8).

Кстати, существует богатая палитра суждений относительно влияния коррупции на различные сферы общественной жизни и ее последствий. В первую очередь речь идет о ее воздействии на экономический рост и развитие. В этом плане коррупция как форма социального обмена, а коррупционные платежи — часть транзакционных издержек, позволяющая преодолеть чрезмерное вмешательство государства в экономические процессы, нивелировать законодательные или иные ограничения, вводящие «рынок наоборот» (см., напр.: Роуз-Аккерман, 2003; Олсон, 1998). По сути, об этом же говорил Л. Тимофеев, рассматривая коррупцию как инструмент «здорового смысла» и выживания нормального человека в ригидном, зарегулированном советском обществе (Тимофеев, 2000). Однако и упомянутые авторы, и многие другие указывали на крайне негативное воздействие коррупции на жизнь общества. Обратим внимание, по крайней мере, на следующее. Если для отдельного субъекта (политика, предпринимателя и т. д.) вполне возможно получение преимуществ и достижение некоторых целей при использовании коррупции как инструмента в конкурентной борьбе, то с позиции страны в целом коррупция означает ограничение конкуренции, недобор налогов, рост теневого сектора экономики и сокращение инвестиций (см., напр.: Елисеева, 2004). Кроме того, коррупция усугубляет неопределенность экономической среды, что и без того является проблемой для стран, осуществляющих реформы, так как имеет место кумулятивный эффект искажения ориентиров экономического роста. Следует иметь в виду, что коррупционные платежи, достигающие значительной величины, в значительной части представляют вычет из национального богатства, поскольку нередко связаны с криминальными формами бизнеса (нелегальная торговля оружием, наркотиками, проституция и торговля живым товаром и т. д.), используются на престижное потребление или вывозятся различными способами за пределы страны.

Оценки размеров и динамики коррупционных платежей, бытовой и деловой коррупции различны. Приведем данные Фонда ИНДЕМ, относящиеся к исследованию 2005 г. Объем рынка деловой коррупции, по оценке Фонда, в 2005 г. составляет 316 млрд долл. (рост почти в 9,5 раза по сравнению с 2001 г.). Основным получателем являются структуры исполнительной власти. Рынок бытовой коррупции вырос за эти годы незначительно и составляет немногим более 3 млрд долл. Чрезвычайный рост рынка деловой коррупции свидетельствует о том, что «российская экономическая жизнь фантастически зарегулирована» (Во сколько раз увеличилась коррупция за 4 года, 2005).

¹ «Социальный капитал можно определить просто как набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы. Если члены группы смогут рассчитывать на то, что другие будут вести себя честно и на них можно будет положиться, то они смогут доверять друг другу. Доверие подобно смазке, которая делает работу любой группы или организации более эффективной» (Фукуяма, 2003, с. 30). «Честность» здесь внутригрупповая, клановая, основой которой выступает общее участие в коррупции и круговая порука.

Четвертая значимая функция коррупции в процессе становления элит связана с компенсацией снижения значимости прежних принципов функционирования межличностных сетей в сфере перераспределения ресурсов. В качестве примера можно привести «связи», «знакомства» и блат прежних времен, который далеко не всегда требовал денежно-вещевого вознаграждения за оказанные услуги и, собственно, не был проявлением классической коррупции. Это скорее, «протокоррупция» (о блате см.: Леденева, 1997, с. 113—133). Увеличение роли денежных отношений в условиях резкого перехода к рынку и трансформации норм межперсональных и межгрупповых взаимоотношений создает дополнительную потребность в восполнении внешне «обесмысленных» форм советской «взаимопомощи».

Безусловно, важным для становления российских элит как сообщества властных групп (административных, политических, экономических) является преодоление административных барьеров и компенсация неэффективной работы госаппарата. В этом же ряду стоит и задача обеспечения необходимой связи между властью и бизнесом, между политико-административной элитой и финансово-экономической элитой. Такая связь в условиях диверсификации социальных структур, превращение их в относительно автономные сферы жизнедеятельности общества, ранее существовавшие в неразделенности, — политики, экономики, социальных отношений, — жизненная социальная необходимость. Сообщество элит и общество в целом без этого не выживает.

Возможно, по крайней мере, четыре типа рассматриваемых связей. Во-первых, слияние политико-административной и экономической власти и элит, при доминировании интересов последних (плутократия). В случае доминирования политико-административной элиты мы имеем государство-собственника. Во-вторых, относительная автономия, с использованием конвенциональных и легальных способов взаимодействия и институтов. Это может быть представительство интересов бизнеса посредством создания или реформирования уже существующих общественных и политических объединений, законодательного оформления приемлемых для общества в целом способов лоббирования интересов делового сообщества. Данный тип связи, хотя и наиболее предпочтительный, в условиях радикальных и быстрых общественных изменений — наиболее сложный и наименее вероятный. Помимо этого, он в определенной степени идеально-нормативен. Полностью он не достижим ни в одном обществе. В этом отношении первый и второй тип можно представить как крайние полюсы шкалы. В-третьих, неформальные отношенческие контракты («контракт-отношения», «отношенческие» контракции) [relational contract, relational contracting] — обмен услугами между политиками и чиновниками, с одной стороны, и бизнесменами — с другой, а также взаимная стратегическая и тактическая поддержка в рамках их длительного сотрудничества (см., напр.: Радаев, 1998; Уильямсон, 1996. Обзор теории см.: Фуруботн, Рихтер, 2005, с.189—192, 209—226). Отношенческие контракты могут быть как системными, когда соглашения носят принципиальный для данной системы отношений характер. Например, заявление В. В. Путина в начале своего президентства о том, что передела собственности не будет или негласное соглашение о деполитизации большого бизнеса в России. Могут они быть и секторальными, групповыми, индивидуальными — в зависимости от охвата сферы, объема соглашений и участников. К ним можно отнести соглашения между экономической элитой и политическими группами, поддерживающими на выборах ту или иную персону, партию. В-четвертых, коррупция. Она не исключает рассмотренных выше типов связи и может сосуществовать с ними.

Коррупция, как специфическая форма связи бизнеса и власти, имеет очевидные институциональные преимущества. Она исторична и стала частью сферы само собой разумеющихся рутинных действий. Именно тривиальность коррупции делает ее частью деловой и административной культуры российского общества.

Немаловажное значение имеет и направленность реформ. Здесь важны, по крайней мере, четыре обстоятельства. Во-первых, социально-философское обоснование общественного выбора. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь на существующую внутреннюю связь между пафосом индивидуализма и персональной автономии и стремлением к исключению общественных механизмов контроля (включая нравственные) над реализацией личного «стремления к счастью»¹. Теодор Лоуи достаточно кратко сформулировал данную проблему: «Возникновением либерализма как общественной философии было положено начало коррупции современного демократического правительства» (Лоуи, 2003, с. 396). Но стабильное, устойчивое, институционализированное демократическое плюралистическое общество имеет определенные средства компенсации и ограничения коррупции. Становящееся же буржуазное общество, к которым, по всей видимости, относится современная Россия, оказывается перед ней беззащитным, так же как и перед индивидами, приватизирующими государство и его институты. Кроме того, современное капиталистическое государство ориентировано в большей степени на предоставление специальных привилегий политически влиятельным группам (Tullock, 1980, p. 211). И опять же, в обществе относительного благополучия. В российских условиях аналогичная политика приводит к еще большей депривации основной части населения и усилению коррупции.

Во-вторых, безоговорочное признание сложившейся в некоторых западных странах модели рыночной экономики и сопутствующих ей политических, правовых и социальных институтов ведет к игнорированию устоявшихся в стране форм взаимодействия и практик (см., напр.: Грей, 2003, гл.5). Внешнее давление и логика вхождения в «мировое сообщество» требуют культурного и институционального изоморфизма (см., напр.: DiMaggio, Powell, 1983; Meyer, Bolli, Thomas, Ramirez, 1997). Делаются попытки институционального импорта. Между тем всякая рецепция имеет свои когнитивные, институциональные и культурные границы². «Сопrotивление материала»³ выражается в том числе и в коррупции.

В-третьих, помимо декларируемой «общенародной» цели российских реформ — рыночная экономика, частная собственность и демократическая политическая система — существовала узкогрупповая задача по перераспределению общественных и государственных ресурсов. Основным механизмом выступили приватизация и конфискация⁴. Государство в этих процессах играло и играет значительную роль. Естественно, что «обращение за помощью» к ключевым чиновникам и депутатам заинтересованных лиц вполне логично. Понятно, что эта «помощь» оказывается во внеправовом пространстве и имеет небескорыстную основу. На первых этапах реформ происходила интенсивная фрагментация и приватизация государства. Вполне правомерна была интерпретация возникшей системы как «анархокапитализма конкурирующих мафий» (Грей, 2003, с. 119).

Четвертое обстоятельство связано с внешним воздействием — фактической международной поддержкой коррупционных методов проведения российских реформ. Л.Шелли в связи с этим пишет: «Во время холодной войны мы поддер-

¹ «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» (Декларация независимости, 1993, с. 25).

² Как отмечает Джон Грей: «Рыночные институты не существуют сами по себе, — они приходят к нам (если оказываются стабильными), будучи укоренены в других институтах, которые и определяют их пределы и придают им легитимность» (Грей, 2003, с.113).

³ Такой заголовок имеет книга, в которой описываются и анализируются трудности формирования в России «гражданской культуры» — («Сопrotивление материала», 1999).

⁴ Литературы на сей счет огромное множество. Укажем лишь на довольно любопытную таблицу, демонстрирующую ранние стадии приватизации, их объекты, методы приватизации и новых собственников: (Glinkina, 1994, p.387).

живали коррумпированных лидеров, поскольку они были бастионом против коммунизма. Сейчас мы поддерживаем коррумпированных лидеров в новых независимых государствах потому, что они защищают нас от возвращения коммунизма» (Shelley, 1999, p. 5. См. также: Коэн, 2001). Такого рода поддержка имеет в том числе и легитимирующий характер. В этом видится большая опасность. В определенном смысле поощрение коррупции и взращивание именно такой элиты — один из результатов деятельности наших зарубежных партнеров¹. Помимо этого, коррупция выступает наиболее эффективным средством «вскрытия» государства и страны со стороны транснациональных компаний. При очевидной разнице в ресурсах России и ТНК последние имеют очевидное преимущество в борьбе за государственных служащих. Это проблема не только России. Но для нашей страны, как и для любого государства третьего мира, она стоит наиболее остро.

В определенной мере коррупция стала стабилизирующим фактором, снижающим социальную неопределенность и для системы, и для отдельных групп населения. Для становления российской элиты она стала *институционально* необходимой и поэтому превратилась в норму функционирования власти и «*приобрела системный характер*» (Стратегия для России..., 2000, с. 171). При этом (что в данной ситуации вполне естественно) сокращается число осужденных за взятки (Симчера, 2000, с. 110), хотя растет преступность и общее количество осужденных в стране. На сообщения о фактах коррупции в прессе, которая все более и более контролируется властями в последнее время, правоохранительные органы никак не реагируют. Как отмечают исследователи, российские властные институты ни на национальном, ни на региональном, ни на местном уровне не имеют политической воли бороться с коррупцией (Shelley, 2002, p. 37). Никакой особой исключительности российской элиты в этом нет. В современных обществах сложный социальный феномен института коррупции стал элементом системы государственного управления (см.: Гилинский, 2002(а); Гилинский, 2002(б); Быстрова, 2003).

В то же время системная коррупция представляет серьезную угрозу для элиты в целом, ее отдельных групп, так как препятствует выполнению ею важнейших общественных функций. Известна роль элиты как производителя образцов поведения, практик взаимодействия, стиля жизни и потребления и т. д. В этом смысле коррупционные практики, используемые как инструмент достижения конкретных целей и решающие в процессе институционализации элиты определенные задачи, транслируются на нижестоящие социальные группы. Демонстрационный эффект в данном случае заключается в распространении коррупционных практик поведения, их легитимации, что негативно воздействует на морально-психологический климат в обществе. Коррупция и продажность воспринимаются как всеобщее и всепроникающее зло. Это явление фиксируется во многих исследованиях. Уже упоминались оценки масштабов коррупции населением и представителями бизнеса в проектах Фонда ИНДЕМ и ВЦИОМ. Упомянем еще одно крупное исследование, проведенное в 1999—2000 гг. под руководством И. Клямкина и Л. Тимофеева (см.: Клямкин, Тимофеев, 2000(а); Клямкин, Тимофеев, 2000(б)). Эта же ситуация отражена в индексе восприятия коррупции, определяемом в течение ряда лет международной организацией «Трансперенси Интернешнл»: Россия, с небольшими изменениями, занимает место в группе наиболее коррумпированных стран мира (см.: Центр антикоррупционных исследований).

Рост теневого сектора, замедление темпов роста экономики, тенденция к росту неравенства, социальной неустроенности значительных групп населения

¹ Вице-президент США при Клинтоне А. Гор заявил: «Важнее не предотвращение коррупции в России, а предотвращение возврата к коммунизму и ядерному перевооружению России». (Цит. по: Руби, 2004, с. 424).

и социальной напряженности в обществе свидетельствуют о стратегической неэффективности использования коррупционных властных практик. Об осознании тесной связи коррупции со многими социальными и экономическими проблемами говорить рано. Настоящего понимания ее негативной роли нет ни у представителей власти, ни у населения. Высокий уровень толерантности населения в отношении коррупции фиксируется в социологических опросах (Клямкин, Тимофеев, 2000(а); Клямкин, Тимофеев, 2000(б); Левада, 2000; Кофанов, Петухов, 2005). Об этом же свидетельствуют хотя и неоднократные, но разрозненные попытки проведения мер антикоррупционного характера. Между тем возможности успешного проведения антикоррупционных реформ напрямую зависят от отношения населения к коррупции, степени его антикоррупционного давления на власть и политической воли лиц, принимающих решения. В настоящее время значительные группы российского общества заинтересованы в сохранении основанных на коррупции отношений. Широко бытует представление о том, что коррупцию можно искоренить, уничтожить посредством ужесточения наказаний. Но никакие наказания не могут решить проблему коррупции, если она не воспринимается обществом как *нарушение общественной морали* (Мени, 1997; Быстрова, 2005).

Источники

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Быстрова А. С. Возможности и пределы антикоррупционных реформ в России // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / под ред. А. В. Дуки. СПб., 2005. С. 175—193.
- Быстрова А. С. Коррупция как элемент механизма осуществления власти в России // Власть и элиты в современной России: Сб. научных статей / под ред. А. В. Дуки. СПб., 2003. С. 186—200.
- Быстрова А. С., Сильвестрос М. В. Коррупция в современной России: социальное явление, инструмент политики, социальная проблема? (основные понятия, исследовательские подходы) // Коррупция и борьба с ней: роль гражданского общества / под ред. М. Б. Горного. СПб., 2000(а). С. 12—37.
- Быстрова А. С., Сильвестрос М. В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000(б). № 1. С. 83—101.
- Вебер М. Отношения этнической общности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 2. С. 8—21.
- Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
- Ведерникова О. Н. Антикоррупционная политика России: с чего начать? // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 119—128.
- Властные элиты и номенклатура: Аннотированная библиография российских изданий 1990—2000 гг. / Отв. ред. А. В. Дука. СПб., 2001.
- Во сколько раз увеличилась коррупция за 4 года: результаты нового исследования Фонда ИНДЕМ. Краткое изложение основных предварительных результатов. http://www.indem.ru/corrupt/2005diag_press.htm (20.10.2005)
- Гевелинг Л. В. Клептократия: Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М., 2001.
- Гилинский Я. И. Коррупция // Гилинский Я. И. Криминология: Курс лекций. СПб., 2002(а). С. 233—242.
- Гилинский Я. И. Коррупция: теория и реальность // Расследование и судебное преследование коррупции. Материалы российско-американского семинара. Санкт-Петербург, 23—24 сентября 1999 г. СПб., 2002(б). С. 75—84.
- Грей Дж. Поминки по просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003.
- Дарден К. А. Шантаж как орудие государственного господства: Украина при Кучме // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. № 3. С. 39—42.
- Декларация независимости // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Сост. В.И.Лафитский; Под ред. О.А.Жидкова. М., 1993. С. 25—28.
- Дегтярев А., Маликов Р. Институциональный анализ деловой коррупции // Вопросы экономики. 2005. № 10. С. 103—118.
- Дука А. В. Властные элиты: социологический анализ // Элитизм в России: «за» и «против»: Сб. матер. интернет-конференции, февраль—май 2002 г. / Под общ. ред. В.П.Мохова. Пермь, 2002. С. 29—64.
- Дука А. В. Институционализация и социальное дистанцирование властных элит // Власть, государство и элиты в современном обществе: Сборник материалов второго всероссийского научного семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»

(16–18 октября 2003 г., Санкт-Петербург) / под ред. А. В. Дуки и В.П.Мохова. Пермь, 2005(а). С. 24–40.

Дука А. В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // Политика. 2003(а). № 2. С. 126–149.

Дука А. В. Исследования элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / под ред. А. В. Дуки. СПб., 2005(б). С. 11–29.

Дука А. В. Перспективы социологического анализа властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 1. С. 64–82.

Дука А. В. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России: Сб. научных статей / Под ред. А. В. Дуки. СПб., 2003(б). С. 162–186.

Дука А.В., Быстрова А. С. Коррупция в России: исследования и контексты // Коррупция и взяточничество: Аннотированная библиография российских изданий 1869–2002 гг./ Составители: А. С. Быстрова, М. В. Сильвестрос; под ред. А. В. Дуки. СПб., 2004. С. 6–15.

Елисеева И. И. Измерение теневой экономики. СПб., 2004.

Индекс Восприятия Коррупции 2005 Трансперенси Интернешнл. http://www.transparency.org.ru/doc/CPI_2005_russ_01000_144.pdf

Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004.

Клямкин И. М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000(а).

Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Теневой образ жизни. Социологический портрет постсоветского общества // Политические исследования. 2000(б). № 4. С. 19–37; 2000(б). № 5. С. 121–132.

Коррупция и взяточничество: Аннотированная библиография российских изданий 1869–2002 гг. / сост.: А. С. Быстрова, М. В. Сильвестрос; под ред. А. В. Дуки. СПб., 2004.

Кофанов Е. Н., Петухов В. В. Общественное мнение о коррупции в России // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 1. С.4–16.

Козн С. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001.

Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 5–27.

Левада Ю. Человек в корруптивном пространстве. Размышления на материале и на полях исследования // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5. С. 7–14.

Леденева А. В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе // Социологические чтения. Вып.2. Сб. материалов ежегодного методологического семинара / Отв. ред. Е. Н. Данилова. М., 1997. С. 113–133.

Лоуи Т. Дж. Конец либерализма: обвинительный акт // Классики теории государственного управления: американская школа / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003. С. 396–400.

Маликов Р. Институциональная коррупция в России: методология анализа // Общество и экономика. 2005. № 1. С.193–218.

Мени И. Коррупция на рубеже веков: эволюция, кризис и сдвиг в ценностных представлениях // Международный журнал социальных наук. 1997. № 16. С. 7–20.

Меснер А. Д. Роль СМИ в предотвращении коррупции в странах на переходном этапе: (Опыт Словении) // Международная научно-практическая конференция «Борьба с коррупцией на Юге России как системная проблема. Препятствия и стратегии» (Ростов-на-Дону, 6–7 сентября 2001 года). Ростов-на-Дону, 2001. С. 75–86.

Мицберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпл Д. Школы стратегий. СПб., 2000.

Олсон М. Институциональные изменения, рассредоточение власти и общества в переходный период: лекарства от коррупции, распада и замедления темпов роста. Дополнения к русскому изданию // Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск, 1998. С. 388–429.

Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3.

Полтерович В. М. Факторы коррупции // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. Вып. 3. С. 30–39.

Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.

Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М., 2004.

Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы. М., 2003.

Руби А. Ельциниада: Первое десятилетие постсоветской России. М., 2004.

Сатаров Г. А., Левин М. И., Цирик М. Л. Россия и коррупция: кто кого? (Проект доклада) // Российская газета. Публикации. 19 февраля. № 32–33.

Сводная таблица ИВК России с 1996 по 2005 год. http://www.transparency.org.ru/doc/CPI2005_01000_145.pdf.

Симчера В. Статистическая информация и экономическая дезинформация в России // Федерализм. 2000. № 3.

«Сопроотивление материала»: Международные нормативы на российской почве: (доклад независимой группы экспертов) / Отв. ред. А. Д. Богатуров и др. М., 1999.

Стратегия для России: повестка дня для Президента-2000 / Ред. колл.: А.Г.Арбатова, А.Л.Адамишин и др. М., 2000.

- Тимофеев Л.* Институциональная коррупция. М., 2000.
- Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб., 1996.
- Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2003.
- Фуруботн Э. Г., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной теории. СПб., 2005.
- Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р». Сайт: <<http://www.transparency.org.ru>>.
- Шмидт К.* Политическая теология. М., 2000.
- Юнгер Э.* Гелиополь: Ретроспектива города / пер. с нем. Г. Косарик. СПб., 2000.
- DiMaggio P. J., Powell W.* The Iron Cage Revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. N 2. P. 147–160.
- Glinkina S. P.* Privatizatsiya and Kriminalizatsiya: How Organized Crime is Hijacking Privatization // *Demokratizatsiya*. 1994. Vol.2. N 3. P.385–391.
- Huntington S. P.* Political Order in Changing Societies. New Haven; London, 1968.
- Meyer J. W., Boli J., Thomas G. M., Ramirez F.* World Society and the Nation-State // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103. N 1. P. 144–181.
- Moreno A.* Corruption and Democracy: A Cultural Assessment // *Comparative Sociology*. 2002. Vol.1. № 3/4. P. 495–507.
- O'Donnell G. A.* Counterpoints: Selected Assays on Authoritarianism and Democratization. Notre Dame, 1999.
- Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. N.Y., 2000.
- Shelley L. I.* Can Russia Fight Organized Crime and Corruption? // *Tocqueville Review / La Revue Tocqueville*. 2002. Vol. 23. N 2. P. 37–55.
- Shelley L. I.* The Current State of Corruption in the NIS // *Corruption in the Former Soviet Union: Statement to the House Committee on International Relations*. 1999. P. 1–10. <<http://www.american.edu/academic.depts/acainst/transcrime/Publications/testimony799.pdf>>.
- Tullock G. S.* Toward a Theory of Rent-Seeking Society. College Station, TX: Texas Agricultural and Mechanical University, 1980.
- Welzel C.* Effective Democracy, Mass Culture, and the Quality of Elites: The Human Development Perspective // *International Journal of Comparative Sociology*. 2002. Vol. 43. N 3. P. 317–349.